

Предисловие

Художественное образование, призванное обеспечить подготовку квалифицированных специалистов в области искусства, является неотъемлемой частью культуры. В условиях духовного кризиса, поразившего наше общество, художественное образование также претерпевает коренные изменения.

Во-первых, роль искусства в постмодернистской реальности существенно изменилась по сравнению с другими эпохами. Художник в современном мире уже не является «демиургом», «пророком», «властителем дум и сердец», сегодня он в лучшем случае находится на скамейке запасных, а в худшем превращается в обслуживающий персонал. Авторитет и престиж художника заметно снижен.

Во-вторых, в условиях нарастающей глобализации художественное образование в современной России стремительно осваивает новейшие технологии, различные инновации, компьютеризацию и прочие новшества. С одной стороны, это естественный и закономерный процесс. С другой стороны, подобные устремления, несомненно, ведут к потере национальной самобытности, к отрыву от своих корней и истоков культуры. Как справедливо отметил В.В.Розанов, «создание человека вне духа своей культуры, синтетически собранного из элементов всех цивилизаций, есть идея крайне искусственная». Без опоры на традиции, на наш взгляд, любые инновационные процессы обречены на провал.

И, наконец, в-третьих, коррозия коснулась самого процесса художественного образования («в тайник души проникла плесень»). Рынок сегодня диктует свои условия для формирования специалистов, рождая спрос преимущественно на ремесленника, чем на художника-творца. Поэтому художественное образование сегодня направлено, прежде всего, на формирование профессиональных компетенций, включающих в себя знания, умения и навыки. Мы как будто забыли и напрочь отказались от тех принципов, которым были верны русские художники-педагоги на протяжении трех столетий, а именно: цель художественного образования не сводима к узкому профессионализму или ремеслу. Точкой отсчета в педагогическом процессе является личность ученика, воспитание его души, а не картина, статуя, роль или музыкальное произведение. Подлинное художественное обучение и воспитание — целостный процесс, где издержки в личностном развитии весят больше, чем технологические достижения в освоении профессиональных дисциплин и потому зачастую художника-гражданина в результате не получается. При этом недостаток эмоциональной культуры становится тормозом не только общего развития, но и концептуального художественного мышления. В традициях русской художественной педагогики содержанием образования в сфере искусства является не освоение информационно-знаковых сторон его произведений, а воспитание личностного отношения, как к произведениям искусства, так и к

миру, другим людям, к самому себе. Мастерство и душа суть одно и то же – вот кредо русской художественной педагогики.

Но, расставляя приоритеты, мы не должны пренебрежительно относиться к ремеслу, которое является необходимой составляющей художественного образования.

Для прояснения интересующей нас проблемы обратимся к этимологии «искусства». Начнем с перечисления некоторых иноязычных аналогов русского слова «искусство»: «техне, «poesie» (греч.); «ars», «discipline» (лат.), «art» (фр., англ.), «Kunst» (нем.), «ишу» (кит.; очень важно обратить внимание на то, что «и» обозначает собственно «искусство», а «шу» — это «техника», иными словами, «искусность»; «хеловнеба» (груз.); заметим, не комментируя, что корневую основу в данном случае составляет слово «хели», по-грузински — «рука»), «арвест» (арм.; и в этом случае интересно отметить, что армянское слово «ремесло» — «арест») и т.д.

Пытаясь в какой-то степени выявить эти различия, остановимся на греческих словах «техне» и «poesie», имеющих непосредственное отношение к затронутой проблеме. Первое указывает на существенно по-иному толкуемые в наше время понятия — «искусство», «ремесло», «наука», а второе обозначает «творение, созидание, произведение; поэзия, стихотворство» и др.

В античности на первый план выдвигается представление, условно говоря, о **художественном искусстве** и **нехудожественном искусстве**, о мастерстве по наитию или же о доведенной до автоматизма искусности. Более того, Сократ, по словам Платона, фактически разводит искусство и творчество, говоря, что «поэты творят... не с помощью искусства, а по божественному определению».

Позицию, близкую античной и средневековой, уже в конце XVIII столетия занимал и Кант, который различал **искусство** и **ремесло**, поскольку «первое называется свободным, а второе можно также назвать искусством для заработка». Однако его не менее выдающийся современник И.В.Гете придерживался иного, можно сказать синтетического, взгляда на проблему, считая, что «ни искусство, ни ремесло никогда не склоняют весы в свою сторону, наоборот, в силу близкого родства оба тянутся друг к другу, так что искусство, опустившись, не может не перейти в славное ремесло, а ремесло, поднявшись, непременно приобщится к искусству».

Вплоть до нашего времени в представлениях об искусстве неоспоримо присутствует идея связи между искусством и ремеслом как искусным и высокопрофессиональным изготовлением разнообразных вещей, и в то же время более или менее явно и постоянно акцентируется мысль о не сводимости искусства к ремеслу, умению и навыку.

Таким образом, на протяжении веков и тысячелетий **искусство** признавалось, с теми или иными отклонениями, неким **«местом встречи» ремесла, науки, философии и религии**, а роль объединительной силы, обеспечивающей осуществление этой встречи «поручалась» **духовному** (творческому) началу.

Цель публикуемых материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием и состоит в том, чтобы выявить сущность и взаимосвязи ремесла и искусства, обозначить их границы в начале третьего тысячелетия; понять, где заканчивается ремесло и начинается искусство, а «где кончается искусство и дышит почва и судьба».

А.Б. Костерина
доктор философских наук